

виана Августа и кончая последним византийским императором Константином XII. Обзор византийской истории использован в качестве красноречивого свидетельства и для доказательства основной идеи, которой руководствуется Иван Грозный в своей полемике с Курбским, а именно: утвердить первенство светской власти перед духовной, а также доказать отрицательные последствия сепаратных выступлений боярства против самодержавной власти и единства государства. После беглого обзора византийской истории Иван Грозный считает возможным сделать общий вывод: «Смотри же убо се и разумей,— обращается он к своему непокорному боярину,— каково управление составляется в разных начаях и властях, и понеже убо тамо (т. е. в Византии, — *И. Д.*) быша царие послушные епархом и сигкли-том, и с какову погибель приидоша. Сия ли убо нам советуши, еже в тако-вей погибели приитти? И се ли убо благочестие, еже не строити царьства, и злодейственных человек не взустити и к разорению иноплеменных по-дати? Или речеши ми, яко святительская поучения тако приимаху? Благо и прикладно! Но инсе же свою душу спасати, и иное же многими душами и телесы пещися: ино убо есть постническое пребывание, ино же во общем жи-тии сожитие, ино же святительская власть, ино же царьское правление...»⁷²

Писания Ивана Грозного о Византийской империи заслуживают осо-бого внимания не только как свидетельство больших знаний государя в области истории Византийской империи. Не менее важен и критический ха-рактер отношения русского государя к истории Византии. Очевидно, что для него Византийская империя не являлась непогрешимым образцом го-сударственного управления, которому нужно слепо следовать. Это крити-ческое отношение с особой ясностью показывает — в противовес некоторым утверждениям, связанным с теорией «Москва — третий Рим», — каким об-разом воспринималось в старом Русском государстве политическое и куль-турное наследие Византии.

Иван Грозный обнаруживает познания не только в политической исто-рии Византийской империи. В его посланиях упомянут целый ряд визан-тийских писателей и литературных памятников, причем из них сделаны довольно большие выписки.

Так, например, он многократно цитирует Григория Назианзина, или Богослова (329—390),⁷³ делая довольно пространные выписки из его сочи-нений. В одном месте послания в Кирилло-Белозерский монастырь он при-водит цитату из «иноческих правил» Василия Великого (330—379).⁷⁴ Иван Грозный знаком также с сочинениями Иоанна Златоуста (354—407) и использует, вероятно, его житие.⁷⁵ Бегло упоминает он имя Афанасия Александрийского (295—373).⁷⁶ Русскому государю знакомо также одно послание, вообще говоря, малоизвестного ранневизантийского церковного деятеля Василия Амасьйского (умер приблизительно в 332 г.).⁷⁷ Он цити-ровал большие отрывки из жития Илариона Великого (умер в 371 г.).⁷⁸ Знал также и житие египетского отшельника Онуфрия Великого (IV—V вв.).⁷⁹ Он делает ссылки и на известную «Лествицу» Иоанна Лествич-

⁷² Послания, стр. 27.

⁷³ Послания, стр. 44 и сл., 51 и сл., 69 и сл., 104 и сл., 116 и сл., 129 и сл., 542.

⁷⁴ Послания, стр. 180. Этот же текст см.: P. Lavrov—A. Vaillant, Les feuil-lets du Zograph. Paris, 1930 (Textes publiés par l'Institut d'Etudes slaves, I).

⁷⁵ Послания, стр. 19, 80, 137; ср. также прим. 25 настоящей статьи.

⁷⁶ Послания, стр. 19, 80, 137.

⁷⁷ Послания, стр. 166, 168. Об этом авторе см.: K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur, стр. 205, § 5; Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxellis, 1909, стр. 37.

⁷⁸ Послания, стр. 164 и сл., 181 и сл., 189, 564—565.

⁷⁹ Послания, стр. 189.